Исторические закономерности конституционной нравственности

ЛЕВАКИН Игорь Вячеславович, профессор кафедры правовых основ управления Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 76
E-mail: Levakin@yandex.ru

Рассматриваются исторические закономерности конституционной нравственности — систематизированной совокупности нравственных норм, содержащихся в Основных законах (конституциях). Прослежена эволюция конституционной нравственности: приведен обзор нравственных норм в Основных законах светских государств, а также соответствующих норм в конституциях христианской, исламской, коммунистической и традиционалистской правовых систем. Исторические примеры демонстрируют неразрывность норм конституций и нравственности, их совместную эволюцию. Исследование взаимодействия основополагающих норм права и нравственности в современной конституционной генерализации позволило обнаружить их объективно существующие, необходимые, постоянно воспроизводимые связи. Автор утверждает, что логика истории привела к необходимому симбиозу конституционных и нравственных норм, корректирующих условия и пределы реализации прав и свобод человека. Сделан вывод, что конституционная нравственность в правовом государстве закономерно соответствует сущности справедливой (максимально основанной на принципе формального равенства) нормы, сформулированной легитимным законодателем и примененной независимым судом.

Ключевые слова: конституция, право, нравственность, Основной закон, государство, права, свободы, религия, традиция.

Historical Patterns of the Constitutional Morality

I. V. LEVAKIN, doctor of legal sciences, professor
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
E-mail: Levakin@yandex.ru

The article examines historical patterns of constitutional morality – a systematized set of moral norms, which are held in fundamental laws (constitutions). The article explored the evolution of morality, giving an overview of moral standards in fundamental laws of secular states and of such provisions in constitutions of Christian, Islamic, communist and traditional legal systems. Historical examples demonstrate the inextricable connection between constitutional provisions and moral norms. The study of the interaction of fundamental norms of law and morality in modern constitutional generalization allowed to find their objectively existing, necessary, constantly repeatable links. The author insists that historical logic has led to essential symbiosis of constitutional and moral norms, correcting the terms and limitations of the implementation of human rights and freedoms. The author arrives at the conclusion that the constitutional morality in a state governed by the rule of law corresponds to equitable (established to the greatest possible extent on the principle of formal equality) provisions, drafted by a legitimate legislative body and employed by an independent court.

Keywords: constitution, law, morality, fundamental laws, state, rights, freedoms, religion, traditions.

DOI: 10.12737/24846

Исторические закономерности конституционной нравственности представляют собой актуальный предмет исследования, в том числе потому, что современный секулярный мир и соответствующее ему правовое государство сталкиваются с этическими вызовами конкурирующих социальных систем. Однако эволюционное преимущество развитых правовых демократий заключается, помимо прочего, в следующем: они не ограничиваются констатацией приоритета прав и свобод человека в основных законах, а подкрепляют их позитивное узаконивание регулятивным воздействием нравственности.

Нельзя также забывать о том, что многие поколения людей в странах, отвергающих принципы правового государства и права человека, воспитывались и воспитываются под воздействием разнообразных доминирующих традиций, идеологий или религий. Отсюда востребован обзор разнообразных неправовых концепций христианской, исламской, коммунистической или традиционалистской интерпретации конституционной нравственности. При этом мы отвергаем какую-либо идеологию, традиционализм или религию в качестве априорного знания и опираемся исключительно на материалистические методы (диалектику, компаративизм и др.) при исследовании конституционной нравственности.

1. Уже древний период истории дает яркие иллюстрации симбиоза закона (права) и морали. Их взаимодействие отражено в первых из дошедших до нас древних правовых актах, например Законах вавилонского царя Хаммурапи (приблизительно 1792—1750 гг. до н. э.): «Справедливые законы¹... были созданы, чтобы сильный не обижал слабого, чтобы сироте и вдове, притесненно-му оказывалась справедливость...»².

¹ Здесь и далее в цитатах курсив автора.

² Цитаты из законов Древнего мира даны по исследованию С. У. Бауэр. См.: Бауэр С. У.

В том же духе действовал Шапур (царь царей Персии (шахиншах Ирана) — правил приблизительно в 240/243 — 272/273 г. до н. э.). Как царь, «он был законодателем добродетели».

В Древнем Китае философ Конфуций (родился в 551 г. до н. э.) призывал правителей, чиновников и подданных *строить свои взаимоотношения на началах ненасильственной добродетели*. Напротив, приказавший сжечь книги Конфуция крупный реформатор Шан Ян (390—338 гг. до н. э.), будучи влиятельным советником правителя, ввел в практику систему, основанную на принципе «истинная добродетель ведет свое происхождение от наказания».

По древнеримским Законам XII таблиц («lex publica» 451 — 450 гг. до н. э.) предусматривалась смертная казнь, в том числе за то, что «кто-нибудь сложит или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету или позорение другого»³. Собственно, современные нравственно-правовые категории: честь, достоинство, добросовестность восходят к римскому праву. Так, понятие «добрая совесть» (bona fides) и «справедливость» (aequitas) зародились и получили дальнейшее развитие именно в Древнем Риме. Римское право — основа современных европейских и некоторых других правовых систем, берет за основу идею справедливости: «Jus est ars boni et aequi» — «Право есть искусство добра и справедливости».

Один из первых документов конституционного характера феодальной Англии, Magna Carta — Великая хартия вольностей 1215 г., отражающая формирование традиции общего права, защищая ряд привилегий свободного населения, запрещает «продавать право и справед-

История Древнего мира от истоков цивилизации до падения Рима. М., 2011.

³ См.: Памятники Римского права. Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. М., 1997.

ливость». Само же право справедливости зиждилось на «*милости и справедливости*» короля, а также, не в последнюю очередь, на этических утверждениях юснатуралистского толка.

Массовые исторические примеры подтверждают неразрывность закона (права) и нравственности. Вопрос их взаимодействия в Древности, Средние века, другие периоды практически неисчерпаем, ему посвящены многочисленные фундаментальные труды⁴. В данной статье мы сосредоточены на взаимодействии основополагающих норм права и нравственности в их современной конституционной генерализации.

2. Первое поколение конституций (первые в современной истории человечества), как республиканских, так и монархических, закрепивших в основном личные (гражданские) и политические права (первое поколение прав человека), достаточно сдержанно включают нормы нравственности в свои тексты.

Конституция США 1787 г. максимально нейтральна по отношению к нравственности, однако ее преамбула утверждает стремление «содержать общему благосостоянию и обеспечению... *благ свободы*», которые скорее относятся к общему благу, охватываемому, помимо прочего, нравственные блага⁵. Это также

следует из решений Верховного суда США («живой» Конституции), неоднократно обращавшегося к вопросам нравственности⁶.

Конституция Польши 1791 г. взывает к добродетели господствовавшей шляхты и короля, а в гл. X обращает внимание на «*хорошее воспитание*» детей монарха. Предполагалось, чтобы «с самого раннего возраста умам будущих наследников трона прививали религию, любовь к добродетели, отечеству, свободе и государственной конституции».

Конституция Королевства Норвегия 1814 г. в ст. 100 предусматривает свободу печати: «...если только сознательно или открыто не проявляется неповиновения законам, презрение к религии, к нравственности...».

Конституция Бельгии 1831 г. в ст. 148 предполагает, что «заседания судов публичны, *если только их публичность не представляет опасности для порядка или нравов*».

Конституция Швейцарии 1874 г. предполагала «усилить *честь швейцарской нации*». Согласно ст. 50 «Свободное осуществление религиозных обрядов гарантируется, поскольку не нарушаются требования общественного порядка и *добрых нравов*» и т. д.

3. Второе поколение конституций (конституции, принятые до и во время Второй мировой войны), воспринявших идею социально-экономических и культурных прав человека (второе поколение прав челове-

⁴ Исследования, предметом которых было взаимодействие права и морали, столь многочисленны, что даже имена их авторов невозможно перечислить в статье. Одна из наиболее полных библиографий по данной проблематике в отечественной науке использована в монографии Г. В. Мальцева. См.: *Мальцев Г. В. Нравственные основания права*. М., 2008.

⁵ Американская конвенция о правах человека 1969 г. непосредственно связывает пользование правами с нравственными ограничениями (ст. 12, 13, 22 и др.). См., например: *Тексты отдельных конституций на русском языке: конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков*. 2-е изд. М., 1999; *Конституции госу-*

дарств мира. URL: <http://www.constitutions.ru/about-ru.php> (дата обращения: 25.10.2016).

⁶ Подробнее см.: *Джеймс Рейчли А. Свобода совести и толкование первой поправки к Конституции США*. URL: <http://www.hrights.ru/text/b8/Chapter1.htm> (дата обращения: 25.10.2016); *Сергеева С. Л. Проблемы определения критериев нравственности и защиты частной жизни в США периода судебного активизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5: в 4 ч. Ч. 4. 2011. С. 168—170.*

ка), продолжили распространение конституционной нравственности в своих текстах⁷.

Конституция Мексиканских Соединенных Штатов 1917 г. в ст. 3 предусматривает «образование... которое имеет целью... воспитание любви к родине и сознания международной солидарности *в духе независимости и справедливости*».

Конституция Ливана 1926 г. в ст. 10 утверждает, что «преподавание свободно, если оно не нарушает общественный порядок и *добрые нравы...*».

Конституция Ирландии 1937 г. в ст. 41 признает «*Семью как... нравственный институт, обладающий неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, предшествующими всякому позитивному праву и вышшими по отношению к нему*»; ст. 35 предусматривает возможность смещения с должности судьи Верховного суда или Высокого суда «за установленное *безнравственное поведение...*».

Согласно ст. 63 Конституции Исландии 1944 г. «*запрещаются религиозные проповеди или религиозная практика, которые противоречат нравственности*»; ст. 73 утверждает, что «*могут быть приняты ограничения, которые введены законом в интересах общественного порядка, государственной безопасности, защиты здоровья и нравственности*».

4. Конституции третьего поколения (конституции принятые после Второй мировой войны и прочие современные конституции) так или иначе связали конституционную нравственность с идеями, воплощенными во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., включившей коллективные права (третье поколение — права на мир, на разоружение, на здоровую окружающую среду, на развитие и др.)⁸.

⁷ См.: Введение в вопросы международной защиты прав человека: учеб. пособие / под ред. Р. Хански, М. Сукси. Турку, 1997.

⁸ См., например: Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991.

Преамбула Конституции Японии 1947 г. выражает убежденность в том, что «*...принципы политической морали являются всеобщими и что следование этим принципам — долг для всех государств ...*» и т. д.

Конституция Итальянской Республики 1947 г. в ст. 19 в рамках свободного усмотрения утверждает «право исповедовать религиозные верования... за исключением обрядов, *не соответствующих нравственным порядкам*»; в ст. 21 запрещает «печатные произведения, зрелища и всякого рода манифестации *против общественной нравственности*»; в ст. 29 заявляет о «*моральном равенстве супругов*».

Конституция ФРГ 1949 г. в ст. 2 предполагает, что «каждый имеет право на развитие своей личности, поскольку оно не нарушает прав других и не посягает на конституционный порядок или *нравственный закон*»; ст. 104 предусматривает, что «*задержанные лица не могут подвергаться морально жестокому обращению*».

Конституция Индии 1949 г. предполагает разумные ограничения «*в интересах приличия и морали*» (ст. 19) и т. д.

Конституция Франции 1958 г. и Декларация прав человека и гражданина 1789 г. (принципиальные начала Конституции) непосредственно не упоминают о нравственности. Однако в ст. 5 Декларации содержится своеобразное негативное утверждение общественной пользы (общего блага), основанное на знании «вредного и полезного»: «*закон имеет право запрещать действия, вредные для общества*».

Конституция Кипра 1960 г. предусматривает «*морально позорящий проступок*» в качестве препятствия для выдвижения кандидатуры на посты президента и вице-президента страны (ст. 40).

Конституция Бразилии 1988 г. настаивает на «*уважении моральной неприкосновенности*» заключенных (ст. XLIX).

Конституция Швейцарии (Швейцарской Конфедерации) 1999 г. в преамбуле уверяет, «что свободен лишь тот, кто использует свою свободу, и что *сила народа измеряется благом слабых*».

Конституция Финляндии 1999 г. обеспечивает «неприкосновенность человеческого достоинства и свободы и права частных лиц, а также содействует законности в обществе» (§ 1).

Конституция Таиланда 2007 г. обозначает «высокую нравственность» в качестве мерила прав и свобод человека (ст. 28, 36, 37, 43, 49, 50, 64).

5. Четвертое поколение конституций (конституции постсоциалистических стран, включая Россию) избавилось от декларирования своей всеобъемлющей классовой сущности, присягнув правам человека и общечеловеческим ценностям, в том числе в области нравственности⁹.

Конституция Болгарии 1991 г. в ст. 32 предусматривает «право на защиту... от посягательств на честь, достоинство и репутацию»; в ст. 37 гарантирует, что «свобода совести и религии не могут быть направлены на подрыв... нравственности населения...».

Конституция Македонии 1991 г. в ст. 11 утверждает, что «физическая и моральная целостность человека неприкосновенна»; в ст. 42 — «не совершеннолетние не могут занимать рабочие места, которые вредны для их здоровья и морали».

Конституция Чехии 1992 г. в ст. 16 и 19 предполагает, что «осуществление прав может быть ограничено законом, если такие меры необходимы в демократическом обществе для охраны общественной безопасности и порядка, здоровья и нравственности либо прав и свобод других лиц».

Конституция Словакии 1992 г. в ст. 24 также предусматривает огра-

ничения «осуществления прав законом... для охраны... нравственности либо прав и свобод других лиц».

В преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 г. говорится о «*вере в добро и справедливость*»; в ч. 3 ст. 55 законное ограничение прав и свобод ставится в зависимость от целей защиты *нравственности* и т. д.¹⁰

Конституция Польши 1997 г. в ст. 53 гарантирует родителям право «обеспечивать детям *моральное* воспитание... согласно своим убеждениям».

6. Конституции стран с религиозными правовыми системами зачастую игнорируют тематику конституционной нравственности и прав человека либо копируют внешнюю форму положений светских конституций европейских государств¹¹. Основным законом государства-града Ватикан 2000 г. в своих двадцати статьях ограничивается функциональными характеристиками осуществления власти. Очевидно, что «Папа как глава государства Ватикан, обладающий всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти», не нуждается в дополнительной моральной легитимации помимо «священного писания» и его толкований, каковыми бы они ни были¹².

¹⁰ О позиции автора по данному вопросу см.: Левакин И. В. Право и религиозно-нравственные нормы российского общества // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 97—106.

¹¹ Религии и традиционализм апеллируют к вечным истинам и в своем ортодоксальном виде могут отрицать права человека, однако наблюдается и тенденция к их «примирению». См.: Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.

¹² «В Евангелие мы находим всеобъемлющую и последовательную декларацию прав человека, в том числе и таких, которые по тем или иным причинам вызывают к себе неоднозначное отношение». Папа Иоанн-Павел II. Права человека // Российский бюллетень по правам человека. 1995. № 7. URL:

⁹ См.: Новые конституции стран Восточной Европы и Азии (1989—1992) / под ред. Д. Л. Златопольского. М., 1996.

В исламе следование законам шариата — это одновременно религиозная, моральная и правовая обязанность. Основным низам правления Саудовской Аравии 1992 г. (следующий после Корана и Сунны по юридической силе) игнорирует тему светской нравственности. Он утверждает, что «государство стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама», «государство защищает права человека в соответствии с исламским шариатом» и т. д.¹³

Впрочем, если рассматривать отдельные статьи некоторых конституций исламских государств в отрыве от всего массива соционормативного регулирования, то они практически ничем не отличаются от аналогичных текстов светских основных законов. Так, Конституция Омана 1996 г. в ст. 28 утверждает, что «свобода исполнения религиозных обрядов в соответствии с признанными нормами гарантирована в случаях, если она не нарушает общественный порядок и нравственность», в ст. 35 — «иностранцы должны уважать общественные ценности, обычаи и нравственность подданных».

7. Конституции стран с традиционалистскими правовыми системами чаще всего закрепляют приоритет местных правил и обычаев (местного права) над формальными установлениями государства, что ведет к сложному симбиозу нравствен-

ных традиций общности и законодательства¹⁴.

Конституция Экваториальной Гвинеи 1996 г. «жаждет сохранить авторитет установок африканского духа семьи и сообщества». Данный Основной закон в ст. 13 предполагает «уважение к... моральному достоинству» и т. д.

Временная Конституция Королевства Таиланд 2014 г. в ст. 35 предполагает, что должен быть «эффективный механизм по усилению роли закона и морали, этики...».

8. Конституции стран с идеологизированными правовыми системами сопрягают право и господствующие воззрения, включающие нравственность¹⁵.

Классический пример — Конституция СССР 1977 г., закрепившая «руководящую и направляющую» роль коммунистической партии, опирающуюся в том числе на «Моральный кодекс строителя коммунизма» — свод принципов коммунистической нравственности, принятый XXII съездом КПСС в 1961 г.

Конституция Кубы 1976 г., «руководствуясь победоносным учением марксизма-ленинизма», утверждает в преамбуле, что «любой строй, основанный на эксплуатации человека человеком, означает унижение эксплуатируемых и моральную деградацию эксплуататоров».

Конституция КНР 1988 г. утверждает обязанность граждан Китайской Народной Республики «уважать нормы общественной морали» (ст. 53); в ст. 46 утверждается, что

<http://www.hrighs.ru/text/b7/bul7.htm> (дата обращения: 25.10.2016).

¹³ Многие современные мусульмане также считают, что «нормы, касающиеся прав и свобод человека в исламе, являются религиозными, нравственными нормами ислама. Эти нормы содержатся в Коране и Сунне, из чего вытекает, что права и свободы в исламе даны от Бога». См., например: Аль-Али Насер Абдель Рахим. Универсализм и исламская концепция прав и свобод человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

¹⁴ См., например: Давид Р., Жоффре-Спинузи К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1996; Рулан Н. Юридическая антропология / пер. с фр. В. С. Нерсисянца. М., 2000.

¹⁵ В XXI в. речь прежде всего идет о странах, сохранивших верность социалистическим идеалам. О социалистическом праве, латиноамериканской правовой семье, «кочующих» правовых семьях и др. подробнее см.: Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996.

«государство поддерживает всестороннее развитие детей и юношей, моральное, умственное и физическое» и т. д.

Таким образом, между конституционными и нравственными нормами объективно существуют необходимые, постоянно воспроизводимые связи — закономерности, сформировавшие особый правовой феномен — конституционную нравственность.

Конституционная нравственность: есть синтез взаимодополняющих социальных регуляторов (права и нравственности), наиболее эффективно выполняющих общую практическую задачу, — регулирование базовых общественных отношений. Именно эта особенность реализуется в закономерном включении норм нравственности в основные законы (конституции);

закономерно приобретает качество права (функционирует как правовая), включается в систему законодательства (правовую систему), поскольку соответствующая публичная власть обязывает руководствоваться ей в надлежащих, в данном случае конституционных, правоотношениях;

включена в ряд основных законов. Практически любой законодатель (коллективный или индивидуальный суверен) демонстрирует «внутреннюю моральность закона (права)», выражая собственные нравственные установки и воздействуя на глубинные паттерны общества¹⁶;

в своем позитивном выражении закономерно соответствует уровню сознания законодателя (имеет конкретно-историческое содержание). В некоторых современных конституционных правовых актах развитых демократий речь идет о формировании этических ориентированного государства¹⁷;

в виде «справедливых требований морали в демократическом обществе» закономерно входит в стандарты современных универсальных международно-правовых актов о правах человека, решения Европейского суда по правам человека и др.¹⁸

системно взаимодействуя в рамках правового государства с правами человека, не ограничивает их (в том числе формирующееся четвертое поколение — права на биологическую и информационную безопасность и идентичность). Речь идет о закономерном «ограничении условий и пределов» реализации прав, в том числе «с целью удовлетворения справедливых и демократических требований морали»¹⁹;

ную нравственность, — отдельный, обширный предмет исследования. См., например: Дело о преподавании католической религии (Конституционный суд Италии, п. 203, 11 апреля 1989 г.); Кененова И. П., Троицкая А. А., Шустров Д. Г. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях. М., 2015. С. 182—192.

¹⁸ См. Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международные пакты о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и др. В частности, Акт о правах человека 1998 г. обозначает важное развитие конституционной нравственности в Великобритании и т. д.

¹⁹ «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.). О проблеме ограничения прав человека см.: Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 17—23.

¹⁶ См.: Fuller Lon L. Positivism and Fidelity to Law // Law and Morality / ed. by D. Don Welh. Philadelphia, 1987. P. 91; Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ Практика конституционного правосудия по делам, реализующим конституцион-

характеризуется закономерно меняющимся содержанием. Его выявление — постоянно актуализирующаяся задача, которую, как правило, возлагает на себя верховная (конституционная) власть в лице соответствующих органов и лиц;

в обществах с антидемократическими режимами и отсутствием разделения властей (фиктивными конституциями) закономерно тождественна произволу суверена. Чем выше степень антидемократичности режимов (от авторитаризма до тоталитаризма), тем вернее данное тождество;

в демократиях с развитой системой разделения властей, гарантированными правами и свободами человека, закономерно соответству-

ет сущности справедливой (максимально основанной на принципе формального равенства) нормы²⁰, сформулированной легитимным законодателем на основе международных правовых стандартов и примененной независимым судом.

Конституционная нравственность на вершине своего современного закономерного развития представляет собой систематизированную совокупность нравственных норм, содержащихся в основных законах (конституциях), корректирующих условия и пределы реализации прав и свобод человека в правовом государстве.

²⁰ Подробнее об этом см., например: Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 81—84.

Библиографический список

Fuller Lon L. Positivism and Fidelity to Law // Law and Morality / ed. by D. Don Welh. Philadelphia, 1987.

Аль-Али Насер Абдель Рахим. Универсализм и исламская концепция прав и свобод человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

Бауэр С. У. История Древнего мира от истоков цивилизации до падения Рима. М., 2011.

Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.

Введение в вопросы международной защиты прав человека: учеб. пособие / под ред. Р. Хански, М. Сукси. Турку, 1997.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1996.

Джеймс Рейчли А. Свобода совести и толкование первой поправки к Конституции США. URL: <http://www.hrights.ru/text/b8/Chapter1.htm> (дата обращения: 25.10.2016).

Кененова И. П., Троицкая А. А., Шустров Д. Г. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях. М., 2015.

Конституции государств мира. URL: <http://www.constitutions.ru/about-ru.php> (дата обращения: 25.10.2016).

Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7.

Левакин И. В. Право и религиозно-нравственные нормы российского общества // Журнал российского права. 2012. № 6.

Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2008.

Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991.

Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1997.

Новые конституции стран Восточной Европы и Азии (1989—1992) / под ред. Д. Л. Златопольского. М., 1996.

Памятники Римского права. Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. М., 1997.

Папа Иоанн-Павел II. Права человека // Российский бюллетень по правам человека. 1995. № 7. URL: <http://www.hrights.ru/text/b7/bul7.htm> (дата обращения: 25.10.2016).

Рулан Н. Юридическая антропология / пер. с фр. В. С. Нерсисянца. М., 2000.

Сергеева С. Л. Проблемы определения критериев нравственности и защиты частной жизни в США периода судебного активизма // Исторические, философские, политиче-